

Ален Делон: звезд больше нет

Коммерсантъ. 2005. 17 марта. С. 22

После общей пресс-конференции **АЛЕН ДЕЛОН** дал отдельное интервью обозревателю „Ъ“ **АНДРЕЮ ПЛАХОВУ**.

— Господин Делон, приятно видеть вас в Москве, но хочется знать, почему мы никогда не встречаем вас в Канне — на фестивале, который вроде бы всячески поддерживает французское кино?

— Это интересный вопрос. Действительно, почему меня не видят в Канне? А вы давно туда ездите?

— Да уж приблизительно лет 15.

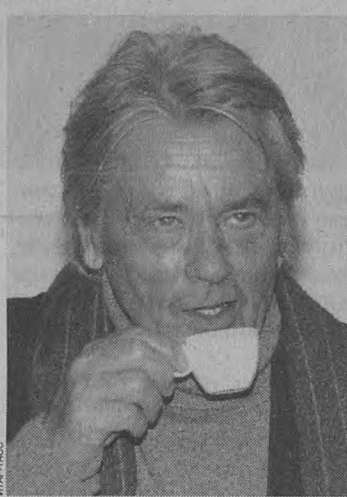
— И вы еще спрашиваете! Причина очень проста. Да потому что Каннским фестивалем в течение вот уже многих-многих лет руководит один и тот же человек — Жиль Жакоб. А у меня с ним очень натянутые отношения. Фактически это такая восточная деспотия: все решения принимаются одним человеком, и нет никого, кто мог бы его поправить или одернуть. Вы помните 50-й, юбилейный Каннский фестиваль?

— Помню, и именно на нем всем особенно бросилось в глаза ваше отсутствие.

— Не только мое, но и Жан-Поля Бельмондо. Потому что ни ему, ни мне Жиль Жакоб не прислал приглашения. За такой поступок его должен был бы вызвать на ковер министр культуры, но ничего подобного не произошло. Скандал все же разразился. На обложке Paris Match тогда напечатали наши с Жан-Полем фотографии с подписью «Канн им не нужен». Или они не нужны Канну? Этот фестиваль превратился в ярмарку тщеславия. Если раньше мы приезжали туда показывать свои фильмы, то теперь люди все больше ездят, чтобы показать себя. А мне это не нужно.

— Не с этим ли связано ваше разочарование в людях? Теперь вы предпочитаете общество домашних животных.

— К тому, что было сказано, добавлю только, что около моего

ИТАР-ТАСС

загородного дома есть кладбище, где похоронены все мои собаки, а посередине стоит небольшая церковь.

— Вы с жаром говорили про Марлона Брандо. Известно, что он увлекался системой Станиславского, которая повлияла на все его поколение американских актеров. А ваш актерский метод — он связан с этой системой? И как к ней относятся французские артисты?

— Марлон действительно был заражен идеями Станиславского, которые перенял через школу Ли Страсберга. У меня же свой собственный, личный метод работы. Он связан с той традицией, которую представляют во французском кино Жан Габен и Лино Вентура. Это не актеры в традиционном смысле слова — это люди, пришедшие не из актерских школ, пришедшие, по сути, ниоткуда. И я сам такой. Видите ли, есть комедианты, а есть актеры. Комедианты играют, представляют, а актеры живут на экране. Вот таков мой творческий метод.

— Какую роль сыграл в вашей жизни фильм «Рокко и его братья»? В России вас узнали и полюбили именно после него.

— Да, давненько это было — аж 45 лет назад. Конечно, это был очень важный фильм в моей карьере, может быть — самый важный. Но знаете, почему Луки-

но Висконти пригласил меня сыграть Рокко? Потому что он увидел фильм «На ярком солнце». Так что этот фильм Рене Клемана был не менее важен. Вообще это была удивительная эпоха расцвета европейского, прежде всего итальянского, кино. С «Рокко» в моей жизни начался итальянский период. До сих пор не могу смириться с тем, что великого итальянского кино больше нет.

— Вы известны как чрезвычайно независимый человек. И все же, ощущаете ли вы себя частью семьи французских актеров? И существует ли вообще такая семья — хотя бы метафорическая?

— Что касается независимости, то это правда, я всегда был очень независим — и как актер, и как продюсер. Я осмеливался продюсировать фильмы без поддержки телевидения, а это во Франции бывает очень редко. Если же говорить об актерской семье во Франции, то ее больше не существует.

— Значит, она все же была?

— Была, когда работали Жан Габен, Лино Вентура, Симона Синьоре, Ив Монтан. После ухода этих и многих других важных людей моя жизнь тоже словно прекратилась.

— Но кто-то же остался?

— Кроме меня — Жан-Поль (Бельмондо. — „Ъ“), ну еще Жан-Клод Бриали. Нас осталось совсем мало.

— А женщины остались? Ведь семья не бывает без женщин.

— Женщины? И женщин не осталось тоже. То есть актрисы остались, но нет звезд. После Жанны Моро, Брижит Бардо, Катрин Денев их больше нет — имею в виду молодое поколение. Актрисы есть: Матильда Мэй, Эмманюэль Сенье, но они не звезды. Говорят, в России любят Софи Марсо?

— Я лично — нет.

— И потом не забудьте, звезда — это слово планетарное, звезда должна быть международной величиной, а не просто членом французской семьи.